

Бессмертного Цзыхэна крепко схватили за запястье, лишив возможности пошевелиться. Его борода дрожала от ярости, и он, повернув голову к Линь Цинмэну, громко воскликнул:

— Бессмертный Цяньйюй, что это значит? Неужели ты собираешься защищать этого нерадивого ученика?

Три божественных владыки на возвышении тоже поднялись, их лица выражали крайнее недовольство.

— Убить его!

— Убить его!

— Фэн Синхэ предал Учителя и забыл о своих корнях, убейте его!

Ученики гор Пяти Духов начали терять самообладание. Их лица исказились, а выкрики слились в единый гул, и над всей горой Тайхуа разносилось эхо: Убить его!

— Разумеется, нет.

Линь Цинмэн резко оттолкнул Бессмертного Цзыхэна, и его ледяной взгляд, казалось, пригвоздил Фэн Синхэ к месту.

— Раз он мой ученик, то и карать его за предательство буду я сам. К чему привлекать посторонних?

Едва эти слова сорвались с его губ, Меч Пылающих Небес рухнул с небес прямо вниз...

— Учитель!

Фэн Синхэ с криком подскочил на кровати, тяжело дыша. Его сердце бешено колотилось, а когда он провел рукой по лицу, то обнаружил, что весь взмок от пота — даже постельное белье пропиталось влагой.

Он сидел на кровати, пытаясь выровнять дыхание. Сон был таким пугающе реалистичным, что он словно до сих пор чувствовал ту нестерпимую боль, с которой его тело превращалось в пепел под клинком Пылающих Небес.

Видно, в последнее время он слишком много предавался грешным мыслям об Учителе. Знал ведь, что ведет себя как нерадивый ученик, вот и получил отражение своих мыслей в ночном кошмаре.

Но у меня есть лишь тайные помыслы, а духу совершить задуманное не хватит. Даже если бы я решился на подобное, у меня просто нет сил, чтобы сделать Учителю хоть что-то.

Сердцебиение Фэн Синхэ постепенно замедлилось. Он откинулся назад, прислонившись к

изголовью, и пробормотал себе под нос:

— Если мои мысли вдруг раскроются, Учитель ведь не станет лишать меня жизни, верно?

Линь Цинмэн проснулся сразу, как только Фэн Синхэ выкрикнул Учитель. Комнаты находились слишком близко, да и бамбуковые стены были плохой защитой от звука. Он даже не пытался ступать бесшумно, но, когда он оказался у двери, Фэн Синхэ внутри ничего не заметил.

— Значит, приснился кошмар.

Линь Цинмэн тихо прошептал это и уже собрался вернуться в свою комнату доспать, но случайно услышал бормотание Фэн Синхэ и невольно усмехнулся:

— Конечно, я не стану лишать тебя жизни.

Он передумал ложиться. Линь Цинмэн начертил в воздухе огненный лотос, ступил на него и плавно поднялся в небо, а затем перепрыгнул на крону Древа Фусан. Спящая там трехногая ворона внезапно открыла глаза и уставилась на него.

— Тсс, — Линь Цинмэн приложил палец к губам. — Не кричи, это я.

Золотой Ворон явно узнал его: открытый было клюв не издал ни звука и медленно закрылся.

Линь Цинмэн поправил полы одежд и сел, скрестив ноги. Он плотно прижал ладони к Древу Фусан, позволяя мощной духовной силе циркулировать между ним и растением. Вскоре его и без того бледное лицо стало еще блее, а капли пота, стекая со лба, падали на ветви дерева.

Фэн Синхэ, снова легший в постель, вдруг почувствовал необычайный покой — казалось, духовная энергия священного дерева стала чище. Он закрыл глаза и с блаженным вздохом вытянулся: под ним была не кровать, а колыбель, сотканная из самой духовной энергии, которая медленно и бережно покачивала его. Вскоре он погрузился в сладкий сон.

На следующий день Фэн Синхэ проспал до полудня. Не то что Линь Цинмэна — в ученическом дворе почти никого не осталось, кроме одной Ю Суваньэр.

— О, неужели ты проснулся? — Ю Суваньэр увидела Фэн Синхэ, который, озираясь по сторонам, вышел из комнаты. Она подбежала к нему и поддразнила: — Младший соученик, до которого часа ты вчера переписывал свитки? Осознал ли свою вину?

Фэн Синхэ гневно сверкнул глазами на эту лису, которая не только строчила доносы, но и злорадовалась.

— Если еще раз наговоришь Учителю глупостей, я зашью тебе твой лисий рот.

— Пф! — Ю Суваньэр закатила глаза и фыркнула. — Я не говорю глупостей. Ты сам накликал

беду, заглядевшись на того человека, вот Учитель тебя и наказал — поделом.

Фэн Синхэ на мгновение замер, а потом сдулся, словно проколотый мяч, и понуро опустил голову.

— Ты права.

Затем он обошел лисицу и побрел на кухню в поисках еды.

— Старшая соученица, а где все остальные?

Он приподнял крышку котла — пусто. Заглянул во второй. Фэн Синхэ прищурился, едва приоткрыв правый глаз, чтобы заглянуть под крышку: эх, снова пусто!

Ю Суваньэр, прислонившись к дверному косяку, наблюдала за его печальной фигурой и рассмеялась:

— И чего ты такой жалкий? Неужели умрешь от голода, пропустив один прием пищи?

Фэн Синхэ поморщился и махнул на нее рукой:

— Уйди, уйди, пойду лучше травы пожую.

Ю Суваньэр отошла в сторону, давая ему пройти:

— Не ешь траву, тебе оставили поесть, лежит в столовой под бамбуковой корзиной.

Она проследовала за ним в столовую и села напротив, наблюдая, как он ест. Под корзиной нашлись две лепешки, миска белой рисовой каши, два яйца вкрутую и тарелка жареных бамбуковых побегов. Ю Суваньэр потрогала миску с кашей и тут же отдернула руку. Еда стояла здесь больше часа, но все еще оставалась теплой.

— Ну тебе и повезло, — в ее голосе прозвучала нотка зависти, которую она сама не осознала. — Учитель перед уходом специально велел оставить тебе поесть. Ты и правда ценный кадр, раз заставил Учителя использовать духовную силу, чтобы согреть твою еду.

Фэн Синхэ откусил кусок лепешки и с насмешливой улыбкой посмотрел на нее. Прожевав, он сказал:

— Глупая лиса, не нужно так завидовать. Учитель наверняка одинаково заботится о каждом из своих учеников.

Увидев недоумение на лице Ю Суваньэр, он отложил лепешку, подался вперед и поманил ее пальцем. Они сидели за широким столом, почти соприкасаясь головами.

— Ты не знаешь, но вчера ночью Учитель вернулся после усмирения нечисти, узнал, что старшие соученики оставили ему ужин, и не только все съел, но и прослезился от радости.

Ю Суваньэр оперлась локтями на стол, глядя на Фэн Синхэ. Ее брови нахмурились — она не могла в это поверить.

— Правда?

Учитель прослезился от радости? Она не могла себе такого представить — чтобы он так расчувствовался из-за еды, приготовленной учениками?

— А то нет? Я собственными глазами видел, как Учитель с каждым кусочком становился все счастливее. — Фэн Синхэ уверенно кивнул и снова откинулся на спинку стула, продолжая жевать лепешку. — Я думаю, Учитель просто холоден на вид. Если ты когда-нибудь проснешься поздно, с тобой наверняка поступят так же.

Ю Суваньэр призадумалась. Слова показались ей вполне логичными, и неприятный осадок на душе развеялся.

— Пожалуй, ты прав.

Она постучала пальцами по столу возле миски с кашей.

— С завтрашнего дня мы с тобой начнем вместе практиковаться, так что не вздумай снова проспать.

— Не волнуйся, не опоздаю.

В хорошем настроении Ю Суваньэр стала куда разговорчивее. Утром Линь Цинмэн увел остальных учеников тренироваться в долине, а так как для новичков был оговорен адаптационный день, их с собой не позвали. К полудню все должны были вернуться. Линь Цинмэн специально наказал маленькой лисе проследить, чтобы Фэн Синхэ после еды прилежно переписывал свитки и не ленился.

Когда Линь Цинмэн вернулся, Фэн Синхэ действительно старался изо всех сил, но почерк становился все более неразборчивым, а после каждой страницы он разминал левой рукой затекшие пальцы правой.

— Синхэ, если устал, отдохни.

Услышав голос Учителя, Фэн Синхэ поспешно поднял голову. Он не знал, как долго тот стоял в дверях, но быстро встал, поклонился и завел ноющие руки за спину.

— Благодарю за заботу, Учитель, я не устал.

Еще чего, большая часть работы еще не сделана, если сейчас отдохнуть, то точно не успеет. Линь Цинмэн слегка нахмурился, но больше ничего не сказал и прошел в свою комнату.

Прошло около получаса, и он снова вышел, услышав возмущенные крики Фэн Синхэ:

— Откуда взялась эта проклятая птица?! А ну спускайся сюда, гадина!

Фэн Синхэ был готов плакать. Он в ярости смотрел на странную птицу, его глаза, казалось, метали молнии.

— Не попадайся мне в руки, иначе я тебя зажарю и съем!

Но трехногая ворона, которая уже собиралась улетать, услышав это, вернулась, с вызовом посмотрела на хаос из разбросанных бумаг и свитков на столе и открыла клюв, извергнув поток огня.

— А! Проклятая птица! — взревел Фэн Синхэ.

Спасать свитки было уже поздно: огонь, выпущенный птицей, погас почти мгновенно, но все содержимое стола превратилось в пепел.

Он смотрел на усеянную золой поверхность и вопрошал небеса:

— Откуда вообще взялась эта дрянь?! — Фэн Синхэ сорвал с себя халат и бросился на птицу, пытаясь ее поймать.

— Синхэ.

Линь Цинмэн медленно вошел в комнату. Золотой Ворон уже перелетел к окну, при появлении человека издал пронзительный крик и тут же исчез в небе, не оставив и следа.

— Это Золотой Ворон, он живет на Древе Фусан и любит иногда подшучивать над людьми, — объяснил Линь Цинмэн, мимолетно взглянув на превращенные в пепел свитки. На душе у него стало необычайно легко.

Действительно, надежная птица.

<http://bllate.org/book/22359/2344025>